

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ ГЕРОЕВ РОМАНОВ ИВО АНДРИЧА

В эпоху глобализации благодаря новым средствам связи стали возможными частые и незатрудненные контакты между представителями различных этносов, но мы, к сожалению, не всегда подготовлены к этому сближению. Мы стремимся гармонизировать резко активизировавшуюся коммуникацию и избежать противоречий, которых не смогли предусмотреть. Отсюда выраженный интерес к этностереотипам, а также многочисленные попытки сформулировать особенности национальных характеров и ментальности в исследовательском поле гуманитарного знания и публицистике. Этим же целям может служить анализ национальных портретов в классических произведениях художественной литературы, где духовный опыт народа и человечества в целом сфокусирован в едином узле и преломлен через сознание конкретного представителя этноса. В частности, такой анализ целесообразен в произведениях сербского писателя Иво Андрича, где межнациональные конфликты выходят на первый план, а противоречия межкультурного взаимодействия продемонстрированы наглядно. Иво Андрич – хронист Боснии, запечатлевший в своих крупных литературных полотнах сложный путь формирования многонационального и многоконфессионального комплекса. Боснийский край издавна и доньше считается уникальным культурно-историческим образованием, обнажающим всю сложность взаимодействия на культурном пограничье.

Герои произведений Иво Андрича – представители различных этносов. Причем этноконфессиональная принадлежность каждого из них является важным элементом образа в целом. В романах «Травницкая хроника» и «Мост на Дрине» писатель характеризует своих героев как представителей той или иной этнической группы, зачастую прямо указывая на их типичные черты. Валентина Питулич в своей статье, посвященной творчеству Андрича, употребляет понятие «этнопсихологическая общность» [5, с. 258], которое, на наш взгляд, весьма точно отражает обусловленность глубинных процессов человеческого сознания национальным происхождением и объясняет необходимость внимательного анализа национальных портретов.

В романе «Травницкая хроника» частотны образы боснийских мусульман, которые составляют значительную часть населения Травника. В произведении они определяются как «местные турки», «травницкие турки». Славяне-мусульмане у И. Андрича – умные, гордые. Но порой на страницах романа характеризуются как коварные и неаккуратные люди, которые с недоверием относятся ко всему иностранному, «порицают» всякую новизну.

При этом они просты и воздержанны. Боснийские монахи, по Андричу, «люди глубоко религиозные, но простые и упрямые» [2, с. 211].

Многие из этих черт характерны и коренным боснийцам немусульманского вероисповедания. Учитывая то, что тенденции развития (пусть разнонаправленные и мозаичные по своей структуре) стабильно действовали в Боснии на протяжении нескольких столетий, можно предположить, что за это время в каких-то сегментах культурного пространства появились общие черты, отражающие специфику именно этой территории. В своей докторской диссертации Андрич называет особенности, присущие боснийцам всех вероисповеданий, и среди них – «стремление к духовной независимости, дух противления, известную исключительность и нетерпимость к иностранцам...» [1, с. 125]. При этом все боснийцы представляли собой «светлый пример готовности к жертве» и «праведного образа жизни» [1, с. 125].

То же самое в романе «Травницкая хроника». Католик фра Юлиан дает следующую характеристику себе и своим соотечественникам: «Мы, боснийцы, народ упрямый. Такими нас знают все, тем и прославились» [2, с. 218]. Многие герои романа определяют боснийцев как закрытый, упрямый, консервативный по отношению к любым новшествам народ. Боснийский монах объясняет упрямство местных жителей (а в данном случае – христиан) тем, что только оно помогает им сохранить свою веру и национальную идентичность в условиях сосуществования с представителями иной властвующей религии – ислама: «...будь мы менее тверды и отвори мы ворота разным «здоровым влияниям», то сегодня мои прихожане Перо и Анто назывались бы Мийо и Хусо» [2, с. 218].

Этнических турок писатель в чем-то отделяет от славян-мусульман, а в чем-то объединяет с ними. Турки-османы в романе «тяжелы», «неуклюжи», «холодны» и «хитры». Удивительно для героя-повествователя то, что «человек Востока», а именно, визирь-турок может быть «живым, любезным и открытым». «Застывшая напыщенность» – черта, более типичная для османов.

В обоих романах многочисленными и яркими являются образы евреев. Евреи-сефарды, уже давно населяющие боснийские земли, стали в один ряд с коренным населением. Так, представители еврейского семейства Атиясов живут в Травнике уже свыше ста пятидесяти лет. С приходом австрийской власти в Боснии поселяются еще и галицийские евреи-ашкенази.

Некоторые исследователи видят особую новаторскую роль Андрича в создании образов евреев. Здзислав Дараш пишет о том, что на южнославянском культурном пространстве существовали стереотипы о евреях, которые можно расценить как антисемитские. Андричу «пришлось сцепиться в борьбе со стереотипами о евреях» [7, с. 183]. Его образы евреев, как и представителей других национальностей, никак нельзя назвать

ангажированными, обусловленными какими-то идеологическими установками. В данном случае, как минимум, факт добровольной финансовой помощи Соломона Атияса консулу Давиллю противоречит всем существующим стереотипам о жадности представителей этого этноса.

Типично же то, что вышеградские евреи занимаются торговлей, и именно к ним горожане часто обращаются за займами. Вышеградские евреи чтут свои традиции. В субботний день на мосту, в воротах, собирались торговцы, «праздные и торжественные, <...> с серьезной важностью справляли они праздник дня господня», «оживленно и громко разговаривая на испанском, обильно сдобренным сербскими ругательствами» [2, с. 512]. Букус, соблазненный золотым блеском замеченного им дуката, медлит с тем, чтобы его достать, вспомнив «про субботний день, в который всякий труд есть грех и позор» [2, с. 512].

Боснийские евреи – достаточно сплоченный коллектив. Трагедию, произошедшую с Миланом Гласинчанином, переживала «вся еврейская община как личное горе» [2, с. 513]. Та же ситуация в семье Лотики, члены которой разбросаны по всей Европе, но тем менее поддерживают между собой связь.

Ружа Кнежевич об этническом компоненте романа «Мост на Дрине» и о евреях в частности пишет: «...в бурной вышеградской хронике Андрича явно интересуется любопытное соединение всех этнических групп и роль каждой из них в этом крае, их обыденная, повседневная жизнь, сосуществование, та этническая разноликость, в которой еврейство все же несет на себе некий трагичный знак, дополнительную тяжесть» [4, с. 351]. Действительно, образы евреев в романах И. Андрича особо трагичны. Причины того, почему боснийским евреям, переселившимся из Испании, так нелегко живется в Боснии, формулирует Соломон Атияс в своем невысказанном монологе из последней главы «Травницкой хроники».

Здзислав Дараш видит особую роль евреев в формировании отношений между Востоком и Западом на боснийском пространстве: «Живя между двумя конфликтующими цивилизационными парадигмами <...>, они, восточный народ, пришедший в Боснию со стороны западного культурного полушария, составляют третий культурный фактор, который нейтрализует оппозицию Orient – Occident, и в состоянии нарушенного равновесия между противоречивыми ценностями способствуют устойчивости в общественной (микро)системе» [7, с. 181].

Здесь же кроются причины того, почему из всех этносов Боснии именно евреи приветствовали правление Наполеона во Франции и французскую революцию как таковую. Кринка Видакович-Петров пишет: «Она [революция] впервые в истории Западной Европы выдвинула важное начало равенства, которое распространялось и на евреев – тысячелетиями изгоняемый народ» [3, с. 192–193].

Особое место в романе «Мост на Дрине» занимают безымянные героичерногорцы. Они упоминаются в романе дважды, и в обоих случаях их образы связаны с песней, которая в условиях жизни под иноземным владычеством символизировала храбрость и гордость сербского народа. Уже портрет черногорца-гуслеяра, заставившего сербов с замиранием сердца слушать его песню, отражает всю внутреннюю силу народа и предвосхищает его будущее освобождение.

У слушающих его песню сербов «по коже пробегают мурашки, спины выпрямляются, плечи расправляются, глаза горят, пальцы растопыриваются и сжимаются в кулак, напряженно сводятся скулы» [2, с. 403]. В этой детали проявляются многие типичные черты этноса или, по крайней мере, их видение писателем. Очевиден несомненный потенциал к борьбе, не готовый к полноценной реализации в данной исторической обстановке. Тем не менее, эта решимость фрагментарно проявляется в выдаваемом за происки вилы бунте христианского населения против строительства моста.

Герой черногорец в такой же роли встречается на страницах романа, посвященных австрийской истории Боснии. Это гуслеяр, «схимнически изможденный, в отрепьях, но полный достоинства, с открытым взглядом: изголодавшийся, но щепетильный; гордый, но вынужденный побираться» [2, с. 545]. В образе черногорца снова представлены национальные черты народа, его потенциальная гордость и сила.

Цыгане в романе «Травницкая хроника» появляются лишь на фоне основных событий романа: это или озябшие цыганята, наблюдающие процессию, или местные музыканты, или мучители, исполнители казней и расправ над сербами при подавлении сербского восстания.

На страницах романа «Мост на Дрине» цыган гораздо больше. Один из самых ярких образов – Мерджан, принимавший непосредственное участие в казни Радисава. При приведении приговора в исполнение ему помогали еще два цыгана. Показательна характеристика, которую ему дает один серб-крестьянин, намеренный выкупить тело казненного Радисава: «Одно слово цыган, человек без креста и без совести, его не умолить, не упросить, нет у него ничего святого ни на земле, ни на небе!» [2, с. 422]. В итоге Мерджан «продает» тело за 7 грошей.

Цыгане не только при турецкой власти участвуют в исполнении карательных функций. Уже в начале XX века в Вышеграде «для оказания помощи властям в преследовании сербов» был создан отряд, набранный «из пьяниц, цыган и прочего сброда» [2, с. 637]. Во главе этого отряда стоял «цыган Хусо Курокрад, человек без чести и определенных занятий, на заре своей юности лишившийся носа вследствие дурной болезни» [2, с. 637–638].

Вообще же в романе роли цыган эпизодические, хотя каждая из них показательна с точки зрения обобщенной характеристики. Вспомним: один цыганенок умер на празднике, посвященном окончанию строительства моста,

объевшись горячей халвы; именно цыганята вставили сигарку в мертвые уста казненного приходского священника отца Михаила; цыгане продают Якову женскую турецкую одежду, нужную ему, чтобы перейти мост.

Хотя действие «Моста на Дрине» происходит в Боснии, на территории, занятой турками, но в центре внимания все равно остается сербское население. Писатель прослеживает трудности жизни христиан во времена турецкого рабства. «Мост на Дрине» – это роман о вышеградских сербах, о разделенном трагическими обстоятельствами народе. С тоской смотрят эти люди вдаль, через Дрину, в Сербию. Сербы представлены как народ страдающий, упорно борющийся за свободу от турок. Это, в основном, жертвы подавляемых волнений – Радисав, старец Елисие, безродный бедняк Миле. Андрич их прямо характеризует как мучеников.

Единственный представитель восточного славянства в романе «Мост на Дрине» – это Грегор Федун. Его писатель называет «Рус из источне Галиције» [6, с. 158] / «русский из восточной Галиции». Переводчик же, вероятно, на основании специфики имени и фамилии героя, точного указания на место его происхождения и конфессии (он был униатом), посчитал возможным национальную принадлежность молодого человека определить так: «украинец из восточной Галиции» [2, с. 516]. Как бы то ни было, изначальное решение Андрича назвать героя русским важно для осмысления национального мировоззрения самого писателя. Упоминается в романе и русский царь: он и султан определили границу и «дали о том фирман „князю“ Милошу» [2, с. 458]. В романе «Травницкая хроника» русские появляются как сторона, поддерживающая сербов в восстании против турок.

Герой-грузин у Иво Андрича («Травницкая хроника») – храбрый, умный, хитрый, красноречивый, живой, любезный человек.

Люди разных национальностей участвуют в процессе строительства моста в романе «Мост на Дрине». Приезжают в город далматинские каменотесы, прозванные в народе «римскими мастерами» [2, с. 398]. Главным у них был мастер Антоние, христианин из Ульциня. А помощником мастера Антоние был негр. С приходом австрийской власти в Вышеграде появляются и представители других наций – «шустрый мадьяр», «надменный поляк» [2, с. 533] и «омадьярившийся словак» [2, с. 605]. В гостинице Лотики работают «разбитная венгерка Малчика» и «рыжий чешский немец» [2, с. 640]. В «Травницкой хронике» этническая палитра романа расширяется главным образом за счет иностранных консулов и сопровождающих их лиц.

Интересно то, что жителей Вышеграда, вне зависимости от их национальной принадлежности, писатель рассматривает отдельно, как особый коллектив, живущий по собственным правилам и являющийся носителем конкретных черт. Иво Андрич дает им в романе несколько характеристик: «...невозможно отрицать, что легкомыслие, любовь к удовольствиям и мотовству издавна отличали вышеградцев от жителей

других городов. <...> Если же и находился в городе какой-нибудь домовитый и бережливый хозяин, чуждый страстям, то не иначе как пришелец из других краев; впрочем, первое же поколение его потомков испытывало на себе пагубное воздействие вышеградского воздуха и воды и, явившись в мир с разжатыми ладонями, пораженное заразой расточительности и беззаботности, жило по принципу: «Будет день, и пища будет!» [2, с. 391].

Итак, Босния Иво Андрича многонациональна. Во-первых, на этой территории издавна проживает несколько «коренных» этносов (сербы, хорваты, бошняки, еврей-сефарды), а во-вторых, здесь часто появляются представители иных народов, которые для достижения различных целей желают усилить свое влияние на этих территориях (турки, немцы, французы, русские). Интересы представителей одного этноса порой исключают интересы соседей. И все же люди вынуждены веками жить бок о бок. Все это становится причиной особого трагизма судьбы коренных боснийцев, которые даже на уровне генетической памяти несут бремя культурной разобщенности и аксиологической неопределенности.

Литература

1. Андрић, И. Развој духовног живота у Босни под утицајем туске владавине / И. Андрић // Свеске Задужбине Иве Андрића, 1. – Београд: Задужбина Иве Андрића, 1982. – С. 7–252.
2. Андрич, И. Травницкая хроника. Мост на Дрине / И. Андрич. – М.: Художественная литература, 1974. – 686 с.
3. Видаковић-Петров, К.Б. Јеврејски ликови у делу Иве Андрића / К.Б. Видаковић-Петров // Иво Андрић у српској и европској књижевности. Научни састанак слависта у Вукове дане. – Београд : Међународни славистички центар, 2012. – С.189–202.
4. Кнежевић, Р. У трагању за уточиштем (судбина вишеградских Јевреја у роману „На Дрини ћуприја“) / Р. Кнежевић // *Andrićs Brücke / Branko Tošović (Ur.)*. – Graz: Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität Graz, 2013. – С. 351–358.
5. Питулић, В. Фолклорни подтекст у „Аникиним временима“ Ива Андрића / В. Питулић // Иво Андрић у српској и европској књижевности. Научни састанак слависта у Вукове дане. – Београд: Међународни славистички центар, 2012. – С. 257–264.
6. Andrić, I. Na Drini ćuprija / Ivo Andrić. – Novi Sad: Vega media, 2008. – 342 s.
7. Darasz, Z. Јевреји у Андрићевом свету или о разоружавању етнокултурних стереотипа / Z. Darasz // Иво Андрић у српској и европској књижевности. Научни састанак слависта у Вукове дане. – Београд: Међународни славистички центар, 2012. – С. 179–188.